

Часть 3: Уроки греческого разговорного

Романтически настроенный грек, утонув в собственных непонятных чувствах, некоторое время бесцельно бродил по узким улицам, петлявшим поперек холмов. Заблудиться было невозможно: море в тихом городке было повсюду. Где бы он ни стоял, одна сторона его мира была полностью занята сероватой поверхностью с белыми барашками, в каком-то неопределимом месте переходящей в сероватое небо.

Лью ШуШон в это время отправлял на рейд "Веселого пашу". Погрузка была закончена, на следующий день корабль должен был уйти в плавание продолжительностью три с лишним месяца.

Пристань в Яфе была короткая, потому что город был зажат в небольшом просвете между прибрежных гор. Седловина давала возможность многим коммерсантам доставить свои товары из разных префектур и отправить их дальше морем, поэтому места у причала не хватало. Соответственно, за стоянку у пристани портовое руководство взимало очень высокий тариф. Если никаких погрузочных операций не предполагалось, суда обычно уступали место другим, отходили в сторону и вставали на якорь в пределах ли от берега - бухта была обширная и глубокая, и выступавшие от гор скалы как бы обнимали ее с двух сторон, поэтому в любую погоду акватория у Яфы была безопасной. Только "Артемиды Охотница" из Мегары уже неделю торчала у причала, как клеем намазанная, невзирая на непомерный сбор за стоянку.

Лью ШуШон сам отмотал причальный конец, перебросил его матросу на борт и с печалью смотрел, как между "Пашой" и берегом расширяется полоска воды, пока ветер бьется в один, специально поставленный для отхода, малый парус...

На "Паше" они с Лью Лиджоном обогнули все южное побережье материка, вплоть до Аравии, где только ни были, а теперь он оставался на берегу, чтобы заниматься бизнесом, который все расширялся трудами неумного племянника, и отправлять еще корабли, которые были у них под фрахтом. Только что закончился период тайфунов, и работы скопилось выше головы.

Лью ШуШон с капитаном помахали друг другу. Капитан будет ночевать сегодня у себя в каюте, завтра корабль примет на борт двух торговых представителей и рано утром выйдет в море, взяв курс на запад. Лью ШуШон вздохнул.

- Феогнид, - приблизившийся незнакомец приблизительно одних с ним лет, закутанный в пушистые меха, вывел Лью ШуШона из элегического состояния. Незнакомец приложил к груди унизанную перстнями руку и кивнул.

- Лью ШуШон, - представился торговец шелком, вопросительно поднимая брови.

"Сегодня восьмой по счету," - подумал грек.

- У вас красивый город, - вежливо сказал он по-гречески. - Оморфи поли.

- Исэ апо тин Эллада? Ты из Греции? - спросил Лью ШуШон, медленно подбирая слова.

Они с Лью Лиджоном три года назад несколько месяцев прожили в греческих полисах и Финикии, поэтому немного научились говорить на местном языке. Еще Лью ШуШон знал наизусть несколько греческих стихов. А еще лет десять назад он с третьего раза еле сдал зачет по древнегреческому и его чуть не выгнали из университета.

Феогнид удивился и закивал.

- Я ксенос, чужестранец, - признался он на тот случай, если собеседник еще не понял.

- Эго мэно эдо. Я живу здесь, - сообщил Лью ШуШон с помощью своего небольшого словарного запаса, раз уж пошел такой откровенный разговор. - Я живу в этом городе. Наш город... - возле моря. (Ого! Оказывается, я еще что-то помню!) В городе есть... дома и деревья. Наш город красивый. Оморфи поли.

Феогнид знал, что лучший способ установить доверительные отношения - это пригласить знакомого в хорошее место, лучше всего - в бордель, и угостить его. Он открыл было рот, но Лью ШуШон еще не все рассказал про свой город.

(Лью ШуШон, показывая руками:) - Это - корабль. Афто инэ спити. Это - дом. Афто инэ плио.

Он пошевелил губами и добавил:

- Экопса руха. Я ношу одежду.

- Где в вашем городе можно развлечься? - спросил Феогнид. - Повеселиться?

(Лью ШуШон, соображает:) - ...

- В нашем городе есть кружок любителей поэзии, - недолгое время подумав, сообщил Лью ШуШон. - Кламп пиисис.

Феогнид, сбитый с толку, замолчал. Как-то неудобно было на фразу "У нас есть кружок любителей поэзии" ответить вопросом "А где в вашем городе найти проституток?" Лицо Лью ШуШона просветлело, он вспомнил подходящие строки.

(Лью ШуШон:) - "Ал'агэ мой тодэ эйпэ кай атрэкэос каталэксон..."

"Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:

Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?"*

(Феогнид, озадаченный тем, что разговор вернулся туда, откуда начинали:) - Я Феогнид из Мегары. Родители мои...

(Лью ШуШон, жестом показывая, что он еще не закончил:) -

"И на каком корабле ты приехал..."

(Феогнид:) - Да вот же! "Артеми..."

(Лью ШуШон:) - "...какою дорогой

К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?"

(Феогнид:) - Да кому есть дело до этих сволочей, кто они?!

(Лью ШуШон:) - "Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался!"

(Феогнид, придя, наконец, к выводу, что все, что происходит в этом городе необъяснимо с позиций здоровой психики, расслабляется и думает:) - Ну и правильно. Логично! Пешком я бы не дошел.

* Строки из Гомера даны в переводе В.А. Жуковского.

Напрасно Лью ШуШон думал, что каждый грек наизусть знает "Одиссею". Он с удовлетворенным видом кивнул собеседнику, полагая, что межкультурный контакт установлен успешно и продолжал...

(Лью ШуШон, продолжает:) - "Тойгар эго той таута мал..."

"Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу.

Имя мне - Мент; мой отец - Анхиал многоумный, и этим

Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев

Веслолюбивых..."

"Учитывая, что творится в этом странном, богами проклятом месте, - подумал Феогнид, - я бы не удивился, если бы этот тучегонитель оказался греком, которого недобрый рок занес на их туманные берега. Он здесь разучился говорить и думает, что он Лью ШуШон, как все местные психи... Вот и со мной будет то же самое!" Что до владычества нового знакомого над никому не известными веслолюбивыми тафосцами, оно вполне вписывалось в общую картину абсурда, творившегося в головах у местного населения.

Тучегонитель, наконец, прервал свои автобиографические откровения, потому что внимание его перенеслось на молодого человека, рысцей подбежавшего к ним. Лью ЛиДжон встал перед дядей и выставил ладонь.

- Дай мне две рупии, - сказал он.

На лице старшего мужчины появилось неодобрительное выражение. Он посмотрел на ладонь у своего носа, неодобрительно потряс головой и сказал:

- Не дам!

Потом показал на соседа и сообщил по-гречески:

- Это Феогнид. Он из Греции.

Лью ЛиДжон кивнул Феогниду и, легко перейдя на ломаный греческий и санскрит, спросил его:

- Эхис дио рупиэс? У тебя есть две рупии? Рупьярупа! Дай мне, пожалуйста! Досэ му паракало.

В том, что Лью ШуШон познакомился с приезжим негоциантом, не было ничего необычного, корабли приходили и уходили каждую неделю, - так что смысла вступать в долгий разговор и разводить церемонии Лью ЛиДжон не видел. Ему были нужны две рупии.

(Лью ШуШон, качая головой в некотором смущении за наглого племянника:) - Не приставай к человеку.

Молодой грузчик выпрашивал деньги у хозяина, хоть немножко. С хозяином давно было все понятно: мало того, что этот мерзавец заставлял помощника работать день и ночь, использовал как собственного слугу, не кормил и не одевал его, он, видимо, еще и не платил ему.

О боги, как равнодушно вы взираете на этот жестокий и несправедливый мир. Или вы находите извращенное удовольствие, наблюдая страдания смертных? С другой стороны, вы же посылаете утешение малым сим. В виде Феогнида, например, который, очевидно, был ответом на молитвы замученного жестокостью и несправедливостью Лью ЛиДжона.

Феогнид мягко улыбнулся, достал кошелек и дал молодому человеку серебряную монету. Молодой человек, который, по замыслу грека, должен был быть поражен его добротой, видимо, серебряных монет никогда не видел, поэтому он посмотрел на дарителя, как на идиота. Или он растерялся при виде такого несметного богатства и не посмел его взять на глазах у хозяина, наблюдавшего за ними недобрым темным взглядом. В котором отражалось его черное жадное сердце.

- Охи! Нет! Рупьярупа из Индии, - сказал Лью ЛиДжон. - Рупьярупа.

Лью ШуШон сердито хмыкнул. Лью ЛиДжон покосился на него. Феогнид, обошедший на своем корабле множество стран, как многие купцы, имел в кошельке россыпь разнообразных монет. Он вытащил две индийские рупии.

- Эфхаристо!

Лью ЛиДжон улыбнулся, искупав греческого гостя в своей теплой благодушной ауре, и убежал. Феогнид остался вспоминать горячее ощущение от большой ладони, когда он коснулся ее кончиками пальцев.

- Панишвару привет передавай, - буркнул Лью ШуШон и добавил вслед племяннику, не очень заботясь о том, чтобы его услышали: - Ты опять без куртки.

Люди молятся богам. Они всегда на что-то надеются, хотя часто знают, что молитвы их останутся без ответа. Из всех бесполезных молитв самой бесполезной является, пожалуй, священная формула "Надень куртку!" По своей бесполезности она может сравниться только с "Уберись у себя в комнате!"

Отличить молитву, то есть ритуальную фразу в адрес всемогущей высшей силы, от обычного человеческого контакта можно по отсутствию адресата. Те, кому кажется, что адресатом

вышевысказанных пожеланий является физически существующий подросток, могут легко развеять свои заблуждения, спросив своего подростка напрямую "Не говорил ли я тебе надеть куртку? Не говорил ли я тебе убратся в комнате?" Ответом будет уверенное "Не говорил. Ничего ты мне не говорил."

Родителям ли этого не знать, и, тем не менее, они продолжают молиться - только для того, чтобы, если в силу чудесных обстоятельств (например, вознесения на небеса за страдания), всемогущая высшая сила снизойдет до разговора с ними, услышать "Не знаю, не помню, ничего ты мне не говорил."

Лью ШуШон растил сразу двух подростков: мальчика, которому в куртке всегда жарко, и девочку, которая хочет, чтобы сын старшего клерка увидел, какое у нее красивое голубое платье, - так что ритуал он знал наизусть. Мальчик и девочка давно выросли, но религиозные верования так просто не меняются. "Когда-нибудь боги услышат меня и вразумят его надеть куртку."

Лью ШуШон вздохнул - из-за Панишвара.

Панишвар был сумасшедший индийский мужик. Он привозил сладости сомнительного качества и подторговывал ими с борта "Ра", океанского парусного катамарана, на котором он служил. На берег он никогда не спускался и никаких денег кроме рупий не признавал.

Сейчас Лью ЛиДжон закупит индийской разноцветной херни, облитой липким зеленым говном, пойдет к Динам и начнет кормить их банду. Маленькие Дины будут драться из-за сладостей, а Лью ЛиДжон будет смеяться над ними.

Потом у них покраснеют щечки, и ЭммиЛи придет и будет ругаться на Лью ЛиДжона и Лью ШуШона. Лью ШуШону будет стыдно, а Лью ЛиДжону будет по хую.

Одним выговором от ЭммиЛи проблема, однако, исчерпана не будет. ДэнНи пойдет искать жену, припрется к ним и будет показывать новое кольцо из носа доисторического хомо эректус, обмотанное его доисторическими соплями, или обломок палки-чесалки, или чего еще они откопали в экспедиции. И будет читать свою статью про научное обоснование датировки соплей хомо эректус и про их эстетическое значение. Но дело не в этом. Он припрется не один, а со всем своим малолетним выводком, украшенным сыпью на щечках (четыре, два, два), и они оккупируют дом на весь вечер.

Если бы на этом все и закончилось, можно было бы потерпеть. Но на этом все не закончится. Дальше, папа с мамой тихо растворятся в ночи, оставив всю банду на дядей, и они три дня безуспешно будут пытаться сбить бандитов с рук.

Маленький Шон бросит в печку шахматного коня из авторского набора, сплит из жеваной

лепешки кривое чудище с зубами и будет утверждать, что это и есть тот самый сандаловый конь с нефритовыми вставками. Если с ним спорить, начнет реветь и драться. Близнецы упадут с кровати и тоже будут реветь и драться. Какой кошмар, я утоплюсь.

Ладно, можно и три дня потерпеть, но все три дня почувявшие свободу папа с мамой будут заниматься дома "своими делами". Кончатся свои дела тем, что через девять месяцев они родят нового бандита, а то и двух. Таков способ размножения семейства Динов и начинается он с сумасшедшего Панишвара. Остается добавить, что увеличение поголовья Динов грозит благоденствию всей популяции, потому что Дины-родители любят забывать Динов-детенышей в гостях у родственников.

Вот почему Лью ШуШон был в тот день печален. Он попрощался и пошел домой доживать последние спокойные часы.

- До свидания. Херэтэ.

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице перевода, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697104>